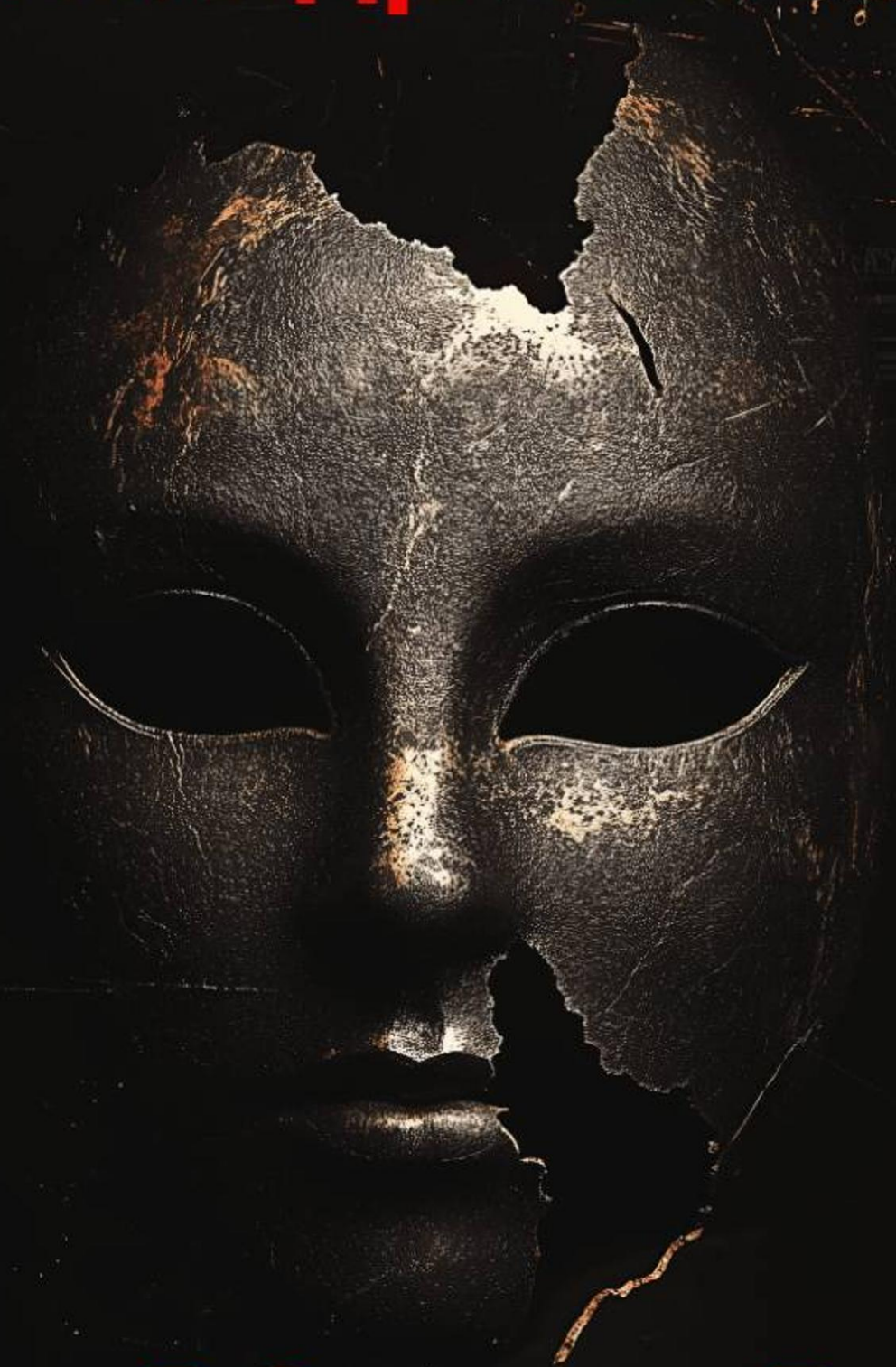

Александр Восьмой

Книга 7. Оптима и Дом, Который Ждёт

18+

Александр Восьмой

**Книга 7. Оптима и
Дом, Который Ждёт**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 7. Оптима и Дом, Который Ждёт / А. Восьмой — «Автор»,
2026

Оптима вернулся в родную деревню — и не узнал её. Дома стояли те же, заборы те же, но все, кого он помнил, смотрели на него с ожиданием. Как будто ждали. Как будто он обещал вернуться не один. В избе, где вырос Оптима, на столе было накрыто на двоих. Второй стул — пустой. Но вмятина на подушке — свежая. Кто-то здесь сидел. И кто-то здесь сидит каждую ночь. Оптима понял: дом ждёт его настоящего, того, которым он был бы, если бы не сбежал. И настоящий Оптима хочет вернуться — в его тело.

Александр Восьмой

Книга 7. Оптима и Дом, Который Ждёт

Глава 1. Дорога, которая короче, чем память

Оптима семь лет не был дома. Дорогу помнил по клочкам — берёзовый поворот, ручей с холодной водой, мост из трёх брёвен. Всё на месте. Но ручей течёт тише, берёзы стоят ровнее, будто их кто-то подровнял, пока его не было. И чем ближе деревня — тем тяжелее рюкзак. Оптима списал на усталость. Зря.

На окраине его встретили Фаргус и Даффи Толстяк. Фаргус смотрел настороженно, будто боялся, что Оптима сейчас развернётся и уйдёт, а Даффи, напротив, шагнул вперёд, хотел обнять, но замер на полпути — будто что-то удержало.

— Ты вернулся, — пробормотал Фаргус, не спрашивая, а констатируя, как факт, который нельзя отменить.

— А ты думал, не вернусь? — попытался усмехнуться Оптима, но голос прозвучал глухо, будто из чужого горла.

Даффи только пожал плечами и кивнул куда-то в сторону деревни:

— Дома все ждут. С самого утра. Как будто знали, что сегодня ты придёшь.

Оптима нахмурился.

— Кто ждёт?

— Все, — тихо сказал Даффи.

Они двинулись по дороге, и с каждым шагом воздух становился плотнее, словно пропитывался чужим дыханием. Деревья шептались, но слов разобрать не удавалось — только ритм, похожий на переключку. Окси, Сиринити и Прима вышли навстречу из тени переулка. Их лица были спокойны, но глаза — слишком внимательные, будто они пытались прочесть в чертах Оптима то, чего он сам о себе не знал.

— Мы думали, ты не один придёшь, — сказала Прима, глядя не на него, а чуть мимо, туда, где пустота казалась гуще.

Оптима сжал кулаки.

— Я один.

Сиринити покачала головой:

— Не совсем.

В избе, где вырос Оптима, на столе было накрыто на двоих. Второй стул — пустой. Но вмятина на подушке — свежая. Кто-то здесь сидел. И кто-то здесь сидит каждую ночь. Оптима понял: дом ждёт его настоящего, того, которым он был бы, если бы не сбежал. И настоящий Оптима хочет вернуться — в его тело.

Он подошёл к зеркалу. Отражение моргнуло раньше, чем он сам.

Глава 2. Заборы смотрят внутрь

Деревня встретила его тишиной не пустой, а ждущей. Дома те же — но ставни на окнах снаружи, а не изнутри. Заборы поставлены так, что не от чужих защищают, а своих держат. Старуха Маняфа у колодца улыбнулась и сказала: «Дошёл, Оптима. А мы уж думали — ты первым придёшь». Он не понял. Она не пояснила.

Оптима двинулся дальше, чувствуя, как взгляд каждого забора скользит по его спине. Фаргус шёл рядом, напряжённый, будто ждал, что земля вот-вот разверзнется. Даффи Толстяк то и дело оглядывался, будто пытался удержать за спиной что-то, что норовило ускользнуть.

— Здесь всё будто... переставлено, — пробормотал Даффи, проводя ладонью по шершавой доске забора. — Не так, как раньше. Будто кто-то взял деревню и чуть повернул, чтобы мы не узнавали.

Фаргус хмыкнул, но в этом звуке не было усмешки — только тревога:

— А может, это мы стали другими. И теперь видим то, чего раньше не замечали.

Из-за угла вышли Окси, Сиринити и Прима. Окси держалась ближе к стене, её пальцы нервно теребили край плаща. Сиринити смотрела на заборы так, словно читала в их трещинах чьи-то забытые имена. Прима шагнула вперёд и тихо сказала:

— Оптима, ты должен знать: с тех пор как ты ушёл, здесь перестали открывать калитки наружу. Все теперь открываются внутрь. Как будто ждут, что кто-то придёт — и его нужно будет удержать.

Оптима сжал кулаки.

— Удержать? От чего?

Прима не ответила. Вместо этого она кивнула на дорогу, где из тумана медленно проступали силуэты — не люди, не звери, а что-то среднее, с длинными тенями, которые тянулись не от фигур, а к ним.

Даффи попятился, натываясь спиной на забор. Тот скрипнул — и скрип прозвучал как вздох.

— Они не новые, — прошептал Фаргус, вглядываясь в туман. — Они всегда тут были. Просто раньше мы их не видели.

Окси рванулась вперёд, будто хотела разорвать пелену тумана одним резким движением.

— Хватит прятать правду за словами! Что здесь происходит?

Сиринити подняла руку, останавливая её:

— Правда здесь не прячется. Она стоит у каждого забора и смотрит. Просто мы боялись повернуться к ней лицом.

Туман дрогнул, и в просвете мелькнуло: второй ряд заборов — там, где его быть не должно. Они шли параллельно первым, но чуть смещённые, будто деревня отразилась в кривом зеркале. Между ними темнели узкие проходы, куда не падал свет.

Оптима сделал шаг к одному из таких проходов — и почувствовал, как земля под ногой стала мягче, будто не земля вовсе, а плотная ткань, готовая разойтись по шву.

В этот миг из переулочка донёсся тихий, ровный звук — будто кто-то медленно водил пальцем по стеклу. Звук был знакомым. Слишком знакомым. Так звучала ручка двери его дома, когда кто-то осторожно нажимал на неё изнутри.

И Оптима вдруг понял: деревня не ждала его возвращения. Она ждала, когда он наконец увидит то, что всегда было перед глазами. И когда он это увидит — пути назад уже не будет.

Глава 3. Накрыто на двоих

В отцовской избе — чистота не человеческая, а нежилая. Пыли нет, но и запаха жизни нет: ни дыма, ни хлеба, ни нагретого дерева — только холод, прикрытый порядком. На столе — две тарелки, две ложки, два стакана. Один стул отодвинут, будто человек встал на миг и вот-вот вернётся. На подушке — вмятина, ещё тёплая. Оптима тронул пальцем: кто-то вставал только что. Или каждый день вставал. Или каждый вечер садился — и ждал.

Фаргус замер в дверях, не решаясь переступить порог.

— Здесь не должно быть так чисто, — прошептал он. — После твоего отъезда тут всё рассыпалось по углам. А теперь... будто кто-то каждый день вытирал каждую щепку.

Даффи Толстяк прижался плечом к косяку, словно искал опору в дереве, которое вдруг показалось ему чужим.

— Может, мать приходила? — неуверенно предположил он.

Оптимка покачал головой. Мать умерла за три года до его отъезда. Он помнил запах её шали, скрип половиц под её шагами — и этот запах здесь не жил.

Окси шагнула к столу, провела пальцем по краю тарелки, будто проверяя, настоящая ли она.

— Посуда холодная. Но не от времени. От пустоты. Как будто её специально остудили, чтобы казаться обычной.

Сиринити подошла к окну, отодвинула занавеску — и замерла.

— Смотрите, — тихо позвала она.

За стеклом, в сумерках, на тропинке к дому стоял силуэт. Не двигался. Просто стоял и смотрел. Когда глаза привыкли к темноте, стало ясно: это не чужой. Это был сам Оптима — только чуть выше, чуть прямее, будто жизнь не гнула его годами. И в его взгляде было то, чего у нынешнего Оптима не было, — уверенность, что он здесь хозяин.

Прима схватила Оптима за руку, пальцы её были ледяными.

— Не смотри долго. Они питаются тем, что ты узнаёшь.

Оптимка всё же посмотрел. И силуэт на тропинке чуть наклонил голову — будто кивнул.

В этот момент в избе щёлкнуло. Тихо, буднично — как щёлкает замок, когда кто-то запирает дверь изнутри. Только здесь не было замка.

Все обернулись к двери. Она была закрыта. И ручка медленно поворачивалась сама по себе.

Даффи попятился, наткнулся на стул — тот с грохотом упал. Звук ударил по тишине, как крик.

Из темноты коридора донёсся тихий, ровный вздох — не человеческий, но слишком похожий. И следом — лёгкий скрип половицы. Кто-то шёл по дому. Не спеша. Знакомыми шагами.

Оптимка шагнул к коридору, голос его прозвучал твёрже, чем он чувствовал:

— Кто здесь?

Тишина ответила не молчанием, а эхом его собственного голоса, отразившимся от стен так, будто дом повторил вопрос за ним — но на тон ниже, чужим тембром.

И тогда из темноты прозвучало:

— Я ждал тебя.

Не слова даже — скорее, дыхание, сложившееся в фразу.

Фаргус рванулся к двери, дёрнул ручку — она не поддалась.

— Она не открывается! — крикнул он, голос сорвался на хрип.

Окси метнулась к окну, попыталась распахнуть створку — та не шелохнулась, будто была залита невидимым клеем.

Сиринити прижалась спиной к стене, глаза её расширились:

— Дом не выпускает. Он хочет, чтобы ты сел на тот стул. Чтобы ты занял своё место.

Прима шагнула к Оптима, встала перед ним, закрывая собой коридор.

— Не иди туда. Пусть говорит из темноты. Пусть остаётся там.

Но Оптима уже не слушал. Он смотрел на второй стул. На вмятину на подушке. На холодную тарелку. И понимал: дом ждал не его возвращения. Дом ждал, когда он согласится стать тем, кем должен был быть. Тем, кто не сбежал. Тем, кто остался.

Тень в коридоре шевельнулась. И из темноты прозвучал голос — не чужой и не свой, а будто собранный из всех его невысказанных слов:

— Садись. Пора ужинать.

Глава 4. Фаргус, который считал чужие шаги

Фаргус — единственный, кто обрадовался Оптима по-настоящему. Обнял, расспрашивал, налил самогона. В его движениях была та самая неуклюжая радость, от которой теплело в

груди, — будто весь мир на миг становился простым и правильным. Но когда Оптима спросил про второй стул, Фаргус замолчал на три вдоха. Потом сказал: «Ты ведь знаешь, кто там сидит. Ты просто не хочешь вспоминать».

Оптима взгляделся в друга — и впервые заметил, как глубоко залегли тени у него под глазами, будто он годами не смыкал век.

— Что ты слышишь по ночам, Фаргус? — тихо спросил Оптима.

Фаргус провёл ладонью по краю стола, словно стирал невидимую пыль.

— Шаги, — пробормотал он. — Не мои. Не твои. Но знакомые. Будто кто-то ходит по деревне и считает, сколько раз половица скрипнет, сколько раз ставень дрогнет. Я считал вместе с ним. Тридцать семь шагов до колодца. Двадцать девять — до поворота у старой липы. А потом шаги сворачивали туда, где никого не должно быть. И шли прямо к твоему дому.

Даффи Толстяк, сидевший у печи, вздрогнул и подтянул колени к груди.

— Зачем считать? — прошептал он. — Лучше не знать, сколько их.

Окси резко встала, будто хотела разорвать эту тишину одним движением.

— А если это не шаги, — сказала она, глядя прямо на Фаргуса, — а приглашение? Если он зовёт тебя идти следом?

Фаргус покачал головой, но в глазах мелькнуло что-то похожее на вину.

— Я не шёл. Я только слушал. Но он знает, что я слушаю.

Сиринити подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу.

— В деревне больше нет случайных звуков, — проговорила она. — Каждый шорох — это слово. Каждый скрип — имя. И все они складываются в одно предложение: «Он вернулся».

Прима встала рядом с Оптимой, будто хотела заслонить его от чего-то, что ещё не проявилось, но уже подбиралось ближе.

— Фаргус, — тихо сказала она, — ты не просто слышал шаги. Ты слышал, как они зовут. И ты отвечал. Хоть и молча.

Фаргус сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Я не хотел! — выкрикнул он, и голос его эхом прокатился по избе, ударился о стены и вернулся назад, будто дом повторил его слова чужим, ровным тоном.

В этот миг снаружи, за окном, раздался отчётливый скрип — один шаг. Потом второй. И третий.

Все замерли. Даже пламя в печи будто сжалось, стало тише.

Оптима подошёл к двери, положил ладонь на холодную ручку.

— Кто там? — крикнул он в темноту.

Ответ пришёл не словами. На пороге, прямо на пыльном полу, проступила цепочка следов. Свежие. Чёткие. И вели они не к двери, а от неё — будто кто-то только что вошёл внутрь... и теперь стоял где-то рядом, в полумраке коридора.

Даффи застонал, уткнувшись лицом в колени.

— Он здесь, — прошептал он. — Он всегда был здесь. Просто мы не хотели видеть.

Фаргус поднял голову, и в его взгляде была такая мука, что Оптима вдруг понял: друг не просто слышал шаги — он знал, кому они принадлежат. И знал, что однажды придётся посмотреть этому кому-то в глаза.

Из темноты коридора прозвучал тихий, ровный голос — не громкий, не угрожающий, а до ужаса спокойный:

— Ты считал шаги, Фаргус. Теперь посчитай, сколько осталось до правды.

Фаргус побледнел, будто из него разом вынули всю силу.

— Нет, — прохрипел он. — Я больше не считаю.

Но шаги уже звучали снова. Медленно. Уверенно. И с каждым новым звуком воздух в избе становился тяжелее, будто наполнялся чужой памятью — памятью о том, что было забыто, и о том, чего лучше было не вспоминать.

Глава 5. Даффи Толстяк и кладбище без имён

Туман стелился по земле, будто пытался спрятать то, что и так никто не хотел видеть. Оптима шёл за Даффи Толстяком, а следом — Фаргус, Окси, Сиринити и Прима. Никто не говорил, но каждый чувствовал: дальше дороги назад не будет.

Кладбище стояло за низкой оградой, покосившейся, но намертво вросшей в землю. Холмики были свежими, но ни одной таблички, ни одного имени. Только ровные бугорки, будто кто-то специально стёр память о тех, кто здесь лежал. Или о тех, кто не лежал вовсе.

Даффи остановился у края и махнул рукой на пустую яму, вырытую неделю назад.

— Смотри, — прохрипел он, голос звучал так, будто слова давались ему с трудом, словно воздух здесь был густым и липким. — Яма пустая. Но пахнет... будто там кто-то лежит. Будто земля помнит тело, даже если его уже нет.

Оптима подошёл ближе, наклонился, втянул воздух — и тут же отшатнулся. Запах был странным: не гниль, не сырость, а что-то знакомое, почти домашнее, но искажённое, как воспоминание, которое вывернули наизнанку.

Фаргус сжал кулаки, будто хотел удержать себя от того, чтобы не схватить Даффи за плечи и не встряхнуть.

— Что значит «они не умерли»? — прошептал он. — Куда они ушли?

Даффи посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Внутрь, — сказал он просто. — Не под землю. А внутрь. В те места, куда мы не смотрим. Туда, где тени становятся длиннее, чем люди, и где каждый шаг отдаётся не в земле, а в памяти.

Окси шагнула к одной из могил, присела, провела пальцами по траве.

— Здесь нет имён, — сказала она, скорее себе, чем остальным. — Но земля тёплая. Как будто кто-то только что встал и ушёл, оставив тепло.

Сиринити подошла к оградке, потрогала ржавые прутья.

— Ограда не держит мёртвых, — проговорила она тихо. — Она держит живых. Чтобы мы не ушли туда же.

Прима встала рядом с Оптимой, её голос прозвучал твёрдо, но в нём слышалась дрожь:

— Оптима, не смотри долго в эту яму. Она не пустая. Она ждёт.

Оптима всё же посмотрел. И в глубине ямы мелькнуло что-то — не движение, а скорее отзвук движения, будто тень пробежала по дну, слишком быстро, чтобы успеть её разглядеть.

Даффи вздохнул, и этот вздох прозвучал как признание:

— Я каждую ночь прихожу сюда. Считаю холмики. Их становится больше. А имён — меньше. Как будто деревня стирает тех, кто ушёл внутрь, чтобы нам было проще делать вид, что их никогда не было.

Фаргус шагнул к яме, наклонился, будто хотел заглянуть в самую глубину.

— А эта яма, — пробормотал он, глядя на пустую, ровную землю, — для кого?

Даффи не ответил сразу. Он смотрел куда-то мимо, в туман, который медленно сгущался, превращаясь в плотную пелену.

— Не знаю, — наконец сказал он, но в его голосе не было уверенности. — Но мне кажется... она ждёт того, кто вспомнит. Того, кто поймёт, что уйти внутрь — это не про смерть. Это про то, чтобы стать частью того, что здесь живёт.

В этот момент из тумана донёсся тихий, ровный звук — будто кто-то провёл ладонью по земле, проверяя, готова ли она принять ещё один след.

Все обернулись. Туман шевелился, и в нём проступали очертания фигур — не людей, а скорее силуэтов, собранных из теней и чужих воспоминаний. Они не двигались, просто стояли и ждали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.